Министерство культуры Республики Татарстан
Государственное бюджетное учреждение культуры
Республики Татарстан
«Республиканская юношеская библиотека»

Серия «Литературный архив:
юбиляры-2026»

Души живой родник

к 140-летию Габдуллы Тукая

Казань, 2026

ББК 78.374
Т81

Составитель: Э.Р. Гужавина
Ответственный редактор: Р.Т. Гатауллина
Ответственный за выпуск: Н.А. Шайтанова

Т81 Души живой родник : к 140-летию Габдуллы Тукая: методико-информационное издание / ГБУК РТ «Республиканская юношеская библиотека» ; составитель: Э. Р. Гужавина. – Казань, 2026. – 45 с. – (Серия «Литературный архив: юбиляры-2026»).

Знак информационной продукции 6+

ББК 78.374

Настоящее издание приурочено к 140-летию со дня рождения Габдуллы Тукая (1886-1913) – великого татарского поэта, публициста, литературного критика и выдающегося общественного деятеля.

Представлена уникальная авторская разработка литературно-документальной композиции с элементами театрализации. На основе архивных материалов, воспоминаний современников и поэтического наследия классика автору удалось создать живой, динамичный сценарий, раскрывающий многогранную личность Тукая и его огромный вклад в отечественную культуру.

Издание адресовано работникам учреждений культуры и библиотечных систем, режиссерам, сценаристам, педагогам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей татарской литературы и театрального искусства.

© ГБУК РТ «Республиканская юношеская библиотека», 2026

От составителя

Посвящается 140-летию со дня рождения Габдуллы Тукая – поэта, остающегося нашим современником

Перед вами не биография в привычном смысле этого слова. Это литературно-документальная композиция с элементами спектакля-исповеди, созданная к 140-летию со дня рождения татарского поэта Габдуллы Тукая. Я намеренно отказалась от парадных тонов и хрестоматийного глянца. Хотелось, чтобы зритель разглядел за необычной биографией не только почитаемого классика, но и человека в собственном контексте жизни. Да, он великий поэт, но еще он ровесник своего времени – дерзкий, ранимый, гениальный, неутомимый в творчестве, смертельно больной, но и бесконечно влюбленный в жизнь.

Этот текст – расшифровка сценического действия. Но если вы читаете его, не видя актеров, не слыша музыки и не ощущая полумрака зала, знайте: главный герой здесь говорит сам. «Голос поэта» ведет нас дорогами его сиротства, по шумным улицам Уральска и светозарной Казани, к последней свече в Клячкинской больнице. Вместе с ним мы проживаем его боль, его триумф, его не случившееся счастье и его бессмертное завещание.

Пространство событий книги, которую вы держите в руках, строится как диалог времен: век XX говорит с веком XXI. Я хотела, чтобы за портретами на слайдах и цитатами из газет зритель, а теперь и читатель, увидел живые глаза поэта, яркую и противоречивую личность, успевшую за свою недолгую жизнь стать голосом и душой татарской нации и одним из тех, кто стоял у истоков профессионального татарского театра, литературы и искусства. Его судьба – урок того, как превратить потерю в дар, а одиночество – в песню, которую подхватила вся нация.

Здесь представлена не просто хроника жизни, это готовое художественное решение и практический инструмент для тех, кто хочет уйти от простых лекций о поэте. Мы приглашаем педагогов, режиссеров, библиотекарей и организаторов культурных событий использовать материалы этой сценической композиции для проведения памятных вечеров, открытых уроков и театрализованных мероприятий. Структура текста позволяет легко адаптировать его под формат живого школьного спектакля, литературно-музыкальной гостиной или мультимедийного перформанса.

Попробуйте вместе с вашей аудиторией услышать живой голос поэта, который сквозь столетие все еще говорит с каждым из нас и верит в наше общее будущее…

Души живой родник:
литературно-документальная композиция с элементами спектакля-исповеди

Действующие лица:

Голос Поэта – образ его наследия, звучащего сквозь века, метафизический Голос, соткавшийся из его стихов, писем и народной памяти.

Ведущие вечера – 2 человека

Габдулла Тукай – поэт

Газиза – приемная мама Габдуллы

Зайтуна Мавлюдова – возлюбленная поэта

Фатима – подруга Зайтуны Мавлюдовой

Пролог: «Сердце»

В зале полная темнота. На сцене стол, стул, стопка старых газет, портрет Габдуллы Тукая, чернильница, перо. Тишина. Загорается лампа на столе – теплый свет, как из дома.

Слайд 1 «Портрет Тукая»

ГОЛОС ПОЭТА:

Да, здесь – только изображение. Игра тени. А вы пришли не за тенями. Вы пришли за живым. Вы пришли говорить с настоящим.

Габдулла Тукай – татарский поэт. Но он был больше, чем поэт: он стал голосом своего народа, его пробудившейся совестью, его сердцем, забившимся в унисон с миллионами. Ведь истинный поэт – это чуткий, натянутый нерв своей эпохи.

В то время рәмитатарский мир застыл между прошлым и будущим. А Тукай явился тем, кто это разглядел, расслышал. Расслышал то самое безмолвие, в котором томилось

невысказанное. Никто не мог облечь это в слова – он был одним из тех, кто выдохнул за всех.

(Пауза.)

Бывает вера, которая не требует доказательств. Когда ты веришь в свой народ не потому, что он велик, а потому, что ты – его часть. И он верил. Безусловно. Черпая силы не в славе, а в самом действии – в том, что может просто говорить на родном языке. И под его пером татарский язык... зазвучал иначе. Свежо. Глубоко. Пронзительно. Как будто до него все молчали, а тут – запели.

(На фоне вступает песня в исполнении Дины Гариповой «Күңел» на стихи Г.Тукая)

Слайд 2 – 3 «Стихи Г. Тукая»

ГОЛОС ПОЭТА *(делает шаг к зрителям)*:

Сердце

Гори, пылай, моя душа! Надламывайся, сердце!
Всевышнему стократ милей страдающее сердце.
Плодов души и сердца ждёт жизнь каждую минуту,
Но как же вызреют плоды, когда остыло сердце?
Толкай хозяина вперёд, в терпенье будь, как камень,
С ударами слепой судьбы смирившееся сердце!
…
Я верю, от беды спасёшь и устоишь в несчастье,
Меня хранившее не раз у края бездны сердце.
Одно запомни: сохранить старайся человечность,
Принявшее так много мук за человечность сердце.

ГОЛОС ПОЭТА:

Давайте сегодня посмотрим на человека с нелегкой судьбой, на гордого, уязвимого, живого.

Услышим его – немногословного, иногда дерзкого, но настоящего.

Его сердце, бьющееся сквозь поэтические строки, обращается к нам и говорит не только о том, что было, но и о том, что есть. Говорит о нас с вами. О родном языке, на котором мы думаем, чувствуем и любим.

Этот голос – метафизическое эхо, соткавшееся из стихов, народной памяти и живых воспоминаний. И сегодня он звучит для вас.

Слайд 4 «Габдулла Тукай, годы жизни»

Габдулла Тукай (полное имя – Габдулла Мухаммедгарифович Тукаев) родился 26 апреля 1886 года в семье муллы Мухаммедгарифа в деревне Кушлауч Казанской губернии (ныне Арский район Татарстана). Род Тукаевых, по преданию, насчитывал семь поколений духовных лиц.

Блок 1: «Исемдә калганнар»

Сценическое действие

Слайд 5

Звучит вступление к колыбельной в исполнении Саиды Мухаметзяновой.

Слайд 6 «Изображение татарской деревни»

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ:

Своего отца я не помню, он умер, когда мне было четыре с половиной месяца. А мама, анам Мэмдудэ, вышла замуж повторно, отдав меня малышом на воспитание бедной глуховатой старушке по имени Шарифа. В доме Шарифы я был обузой, лишним ртом. Сам я не помню, но говорили, что зимними ночами я выходил на двор босой, в одной рубахе по нужде, а потом часами долго стоял у двери, ожидая, когда меня впустят в избу. Дверь – то была примерзшая, тяжелая, мне не по силам.

Ноги примерзали к полу. А старуха впускала меня, когда ей вздумается со словами: «Ничего, не подохнет, бесприютный». Столько лет прошло, до сих пор не могу согреться.

Слайд 7 «Мама»

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ:

А потом мама послала за мной. Мне уже тогда было три года. То ли в те мгновения, когда садился на подводу, то ли уже в дороге, – стал кое-что осознавать. Но сейчас сдаётся мне, будто я помню все, и как ехал к маме, и как ощущал себя в широком счастливом мире, и, казалось, будто всю дорогу разливался для меня какой-то удивительный свет.

Звучит колыбельная на стихи Габдуллы Тукая:

Әлли-бәлли итәр бу,
Мәдрәсәгә китәр бу;
Тыршып сабак укыгач,
Галим булып җитәр бу.

Йокла, угълым, йом күзең,
Йом, йом күзең, йолдызым;
Кичтән йокың кала да,
Егълап үтә көндезең.

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ: Ни лица, ни рук мамы я не помню. Но помню её Голос. Ночами она пела.

(Пауза. Слушает напев). И я тогда чувствовал, что нужен.

(Напев затихает)

Слайд 8 «Мама умерла»

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ:

Потом голос ушёл. И я остался один.

Это случилось через год. Ты умерла, мама: тебя уносили, а я бежал за тобой и кричал им: «Верните маму, отдайте мне маму». Вот тогда я стал круглый сирота.

(Смотрит на свои пальцы, загибает их)

Первый дом. Второй. Третий.

(Пауза)

Я сбивался со счёта.

Семь семей. Семь порогов. Семь раз – чужой.

Семь раз – лишний.

(Пауза)

Знаете, что общего у сироты и перекати-поле? У них нет корней. И перекати-поле не помнит ничего. А я помню каждый порог.

Слайд 9 «Сенной базар»

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ:

Особенно запомнился мне тот случай, когда я жил у деда Зиннатуллы. В тот 1891 год был сильный голод, вот тогда дед посадил меня в телегу к ямщику и отправил с ним в Казань. Помню, как я стою. Сенной базар. Мне пять лет. Один.

Вокруг меня чужие люди, чужие лица. Меня осматривают как захудалого жеребенка: кормить надо, а проку от меня никакого. А ямщик кричит на всю площадь: Кому сироту на воспитание? Кому сироту на воспитание?

А я молчу. Я уже знаю: если заплачу – не возьмут. Если буду хорошим – может быть, оставят себе.

(Протягивает руку к стулу, будто хочет погладить по голове, но не касается.)

До сих пор слышу этот крик. «Кому отдать сироту на воспитание?..»

Слайд 10 «Газиза»

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ:

Вот так я попал в дом Мухамметавали. Там меня любили. Мои новые родители трудились не покладая рук, своих детей у них не было. И я был тут желанным. Мою новую маму звали Газиза.

Молча выходит мама Газиза. Встает за спиной Тукая.

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ *(смотрит на нее, но будто ее не видит)*:

Сейчас мне уже 26 лет. Я иногда навещаю тебя, мама. Ты совсем нестарая. Тебе чуть больше 40 лет. Я снова чувствую себя рядом с тобой мальчишкой. Мама, как у тебя все вкусно, как хорошо быть подле тебя.

МАМА *(ласково, с легким акцентом):*

А помнишь ярмарку в Ташаяке, улым? Я водила тебя туда, а на карусели прокатить тогда так и не смогла. А ты так хотел... Насилу тебя увела *(вздыхая).* Сердце до сих пор болит!

Слайд 11 «Ярмарка»

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ *(в зал, голос взрослого, но с восторгом ребенка):*

Помню, мама. Большие ворота, пёстрая толпа. Вот босиком, но в красивом каляпуше, иду я, держа тебя за руку. Я в таком восторге, что не знаю на чем остановить свой взгляд, сколько кругом удивительных вещей! Вон мальчик держит длинную, как свеча, конфету в цветной бахромчатой обёртке, а сам дудит в дудку. Другой мальчик с деревянной лошадкой ест мороженое! Как же я был уверен тогда, что познаю все эти удовольствия! Недаром же мама привела меня сюда, думал я!

Слайд 12 «Карусель»

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ:

Но увидев карусель, я забыл тогда про всё. До сладостей и игрушек ли мне было! Я хотел почувствовать себя батыром, летящем на крылатом коне, мама! (*бежит вперед, будто бежит к карусели. Замирание от восторга).*

(пауза)

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ *(мягко с улыбкой):*

Мама, ты не печалься, я ведь уже не маленький Апуш! Мне 26. На днях мы были на ярмарке. С другом. И я такой взрослый прокатился на карусели. Целых два раза. И всех мальчишек, что стояли и смотрели, как я когда-то... тоже прокатил.

Поворачивается к матери и улыбается тепло. Мама уходит.

Слайд 13 «Мама»

Звучит колыбельная

Әлли-бәлли көйләрем,
Хикәятләр сөйләрем;
Сиңа теләк теләрем,
Бәхетле бул, диярем.

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ:

Всю жизнь потом я искал твой голос, твой образ, мама. В чужих домах. В других женщинах. В стихах.

(После диалога с Газизой свет меняется. На экране – лес, деревня Кырлай. Голос поэта встаёт, подходит к краю сцены, смотрит вдаль.)

Слайд 14 «Кырлай»

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ (*светло, расслабленно):*
А ещё был Кырлай.
Дядя Сагди. Крестьянин. Бедный. Добрый.

(Пауза. Улыбается)

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ:
Его жена, научила меня читать. *(Берет книгу в руки)*
Какие же красивые в Кырлае места!
Днями я лежал в лугах, смотрел на небо и думал: «Неужели это всё – моё?»

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ:
Нәкъ Казан артында бардыр бер авыл – Кырлай диләр;
Җырлаганда көй өчен «тавыклары җырлай» диләр.

Гәрчә анда тугъмасам да, мин бераз торган идем,
Җирне әз-мәз тырмалап, чәчкән идем, урган идем.

Ул авылның, – һич онытмыйм, – һәр ягы урман иде,
Ул болын, яшел үләннәр хәтфәдән юрган иде.

Зурмы? – дисәң, зур түгелдер, бу авыл бик кечкенә,
Халкының эчкән суы бик кечкенә – инеш кенә.

Слайд 15 «Смерть дочерей Сагди»

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ:
А потом случилось страшное. Умерли друг за другом обе взрослые дочери дяди Сагди. От этих переживаний самого Сагди стукнул паралич, и он стал калекой.
И та, что учила меня читать... стала гнать меня прочь. Кричала: «Ты чужой! Ты – порча! Это ты сирота принес к нам в дом несчастье!»
Мне было тогда семь.
(Подходит к столу, берёт ложку)

Слайд 16 «Чужой»

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ:

В каждом доме была ложка. Моя? Нет. Чужая. *(Берет деревянную ложку.)*

В каждом доме был угол. Мой? Нет. Чужой.

В каждом доме была еда. Моя? Только если останется, когда наедятся свои.

Но я запомнил и все же другое. Лес. Небо. Траву.

Я понял, в детстве все плохое забывается быстро. А красота остаётся с тобой. Если ты родом из Заказанья, значит ты поэт, – воздух что ли здесь такой? Наберешь его в грудь, а выдохнешь песню. Кырлай открыл мне глаза на мир, открыл мне мир сказок, там и родился «Шурале»…

Уходит.

Интерактив:

ВЕДУЩИЙ 1 *(задает вопрос):*

Как вы думаете, если ребенок так рано остается сиротой, он учится любить этот мир или ненавидеть его? Что выбирает поэт?

(Вопрос риторически, ответы из зала не требуются, это вопрос для запуска размышлений)

Блок 3. «Уральск»

Слайд 18 «Уральск. О противостоянии кадимизма и джадидизма»

Реквизит: стопки газет, тюбетей, свет лампы, перо, чернильница

Формат: рассказ-лекция.

Механика игры: Актёр встаёт, ходит по сцене. Он взбудоражен. Достаёт старые газеты.

ВЕДУЩИЙ 1:

В 1894 году судьба улыбается мальчику. Тётя Тукая Газиза Усманова забирает Габдуллу в Уральск в богатый роскошный дом...

Древние говорили, что есть некий гений места, «genius loci», связывающий интеллектуальные, духовные и эмоциональные явления с их материальной средой. И, конечно, связь человека с местом его обитания несомненна, хоть и таинственна.

Уральск для Тукая стал особенным городом. Во-первых, он прожил тут 12 лет, а это почти половина его такой короткой жизни, во-вторых, после 8 лет скитаний и лишений он, наконец-то, живет в достатке. В-третьих, сам городок необычен.

(Показать карту – 619 км)

ВЕДУЩИЙ 2:

Почему в Уральске оказалось так много татар?

Сюда, на берег Яика (так прежде называлась река Урал), веками стекались люди, спасавшиеся от насильственной христианизации, от государственного давления, от бедности. В XVII-XVIII веках среди казаков, основавших этот вольный край, было немало выходцев из Казанского, Астраханского, Крымского ханств. К концу XIX века население Уральска на десятую часть состояло из татар, и были они по численности второй нацией после русской.

В городе сложилась целая Татарская слобода с общиной около 3500 человек.

Возникли чисто татарские мусульманские заведения: мечети, четыре крупных медресе, магазины, своя гостиница «Казань», своё кафе, где обслуживание велось исключительно на татарском языке.

Также появилось много состоятельных людей. Деятельность татарских купцов-миллионеров не ограничивалась лишь организацией торговли: в масштабе города они содержали на свои деньги медресе, успешно занимались благотворительностью, жертвуя огромные суммы, в том числе, и

на нужды немусульманского общегородского населения: на открытие городских библиотек, на нужды Красного Креста и др.

В городе даже были библиотека с читальным залом, Дом Пушкина, в котором был концертный зал, где ставились любительские спектакли, на которых бывала и семья Усмановых. Позже и сам Тукай участвовал в организации таких спектаклей с другом Габдуллой Кариевым и другими шакирдами. (Шакирды это ученики медресе).

Вот в такое культурное пространство был привезен 8-летний Тукай.

Окружение Тукая составляли люди разные по национальности (татары, русские, казахи, украинцы, узбеки, киргизы), разные по социальному положению (шакирды, представители духовного сословия, предприниматели, демократическая интеллигенция, рабочие типографии), разные по политическим взглядам.

Слайд 19 «Просветители»

ВЕДУЩИЙ 2:

Трудно сказать, как бы сложилась жизнь Габдуллы Тукая, если бы в ней не приняли деятельного участия тётя Газиза и её муж купец Галиаскар Усманов, а также, конечно, Мутыгулла Тухватуллин.

Имам и просветитель Мутыгулла Тухватуллин содержал самое прогрессивное в Уральске тех лет медресе. По счастливой случайности он оказался другом отца Тукая по годам учёбы в медресе. Окончив медресе в юности, Мутыгулла Тухватуллин много путешествовал и в течение 10 лет углублял свои знания в знаменитом университете Аль-Азхар в Каире.

Он был прогрессивным человеком своего времени. Несмотря на духовный сан, воспитывал детей в европейском духе – они носили светскую одежду, владели несколькими языками. Дом имама обладал богатейшей библиотекой, в которую входили не только богословские книги, но и художественная литература, и научные труды.

Мутыгулла хазрет, как руководитель, исключил популярные в то время в медресе телесные наказания, создал условия для творческой деятельности учащихся. Его учебное заведение в то время выделялось особой свободой для шакирдов, которые помимо изучения священной истории, чтения и толкования Корана, также изучали основы геометрии, арифметики, логики, физики и других наук. В это самое медресе «Мутыгия», Галиаскар Усманов и определяет Габдуллу для учёбы, а потом, видя его успехи в учении, записывает и в русский класс.

В медресе Мутыгулла хазрет сам дополнительно занимался с особо одарёнными шакирдами, в их числе был и Тукай. Именно Мутыгулла хазрет даёт будущему поэту уроки по восточным языкам (арабскому, персидскому, турецкому) и литературам и учит его основам стихосложения.

ВЕДУЩИЙ 1:

Одарёнными были и дети Мутыгуллы Тухватуллина. Всего в семье родилось пятнадцать детей, но до взрослого возраста, увы, дожили лишь восемь. Сын, Камиль Мутыги, прославился как прогрессивный татарский издатель и журналист, а позже стал одним из первых профессиональных татарских певцов. Дочери, Галие Кайбицкой, в будущем суждено было стать настоящей примадонной и первой народной артисткой Татарской АССР. Атмосфера этого дома дала Тукаю уникальную возможность реализоваться как творческой личности.

В 1899 году в Уральске открывается Общественная библиотека (в канун юбилея Пушкина). Именно там юный поэт впервые знакомится с русской классикой – произведениями Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Ивана Крылова и Алексея Кольцова.

Он начинает переводить их стихи, стремясь влить в татарскую культуру струю иной гармонии, нового взгляда на мир. Через творчество Тукая в татарской словесности органично соединились Восток и Запад, европейские традиции, русская

литература и самосознание татарского народа. И эти идеи находили горячий отклик среди его друзей и первых читателей.

Период с 1902 по 1904 год стал началом самостоятельного творческого пути поэта. В это время создаются его первые ученические стихи, написанные пока еще в традиционной восточной манере.

Слайд 20 «Типография»

У ведущей в руках стопка старых газет (копии или бутафория). Живое перелистывание газет.

Во время рассказа о типографии, первых газетах она, перелистывая, может зачитать короткие заголовки.

Это добавляет тактильный эффект и «архивное» ощущение.

ВЕДУЩИЙ 2:

Осенью 1905 года, после издания знаменитого Октябрьского манифеста, цензура в Российской империи ослабла. Это событие стало переломным для национальной печати: впервые появилась возможность регулярно выпускать периодику на татарском языке. Именно в этот момент началась журналистская биография Габдуллы Тукая. Говоря о поэте, невозможно обойти стороной его колоссальный вклад в становление отечественной публицистики.

Камиль Мутыги, сын содержавшего медресе имама, вводит Тукая в культурную среду Уральска. Поэт начинает активно участвовать в литературной жизни города. Но главное – Мутыги приобретает печатный станок и основывает собственную типографию. Именно здесь Тукай проходит путь от простого наборщика и корректора до главного редактора первых татарских газет и журналов.

ВЕДУЩИЙ 1:

Практика набора текстов, корректуры и подготовки печатных форм открыла для Тукая двери в большой мир

литературы. Так он оказался в самой гуще зарождавшейся национальной периодики.

Вместе с Камилем Мутыги они начинают выпуск первых в Уральске татарских периодических изданий: газеты «Фикер» («Мысль»), литературного журнала «Аль-аср аль-джадид» («Новый век») и сатирического журнала «Уклар» («Стрелы»).

Именно на страницах газеты «Фикер» увидели свет ранние стихотворения, острые публицистические статьи и первые переводы молодого Тукая.

Слайд 21 «Отрывок стихотворения «Дума»

ГОЛОС ПОЭТА:

Что ж ты быстро пала, Дума,
Землю-волю не дала?
Ах ты, Дума, Дума, Дума,
Мало дела, много шума!

Что ж ты рано так увяла,
Хоть еще не расцвела?
Ах ты, Дума, Дума, Дума,
Мало дела, много шума!

Слайд 22. «Кадимизм vs Джадидизм»

ВЕДУЩИЙ 2:

Время, когда рос и взрослел Тукай, стало эпохой глубочайшего перелома. Татарское общество раскололось на два непримиримых лагеря.

Кадимизм (от арабского «кадим» – старый) отстаивал незыблемость веками устоявшегося уклада. Его сторонники считали, что исламский образ жизни должен оставаться неизменным, а любые заимствования из европейской или русской культуры несут угрозу вере. По их мнению, шакирдам было достаточно тех знаний, которые давало традиционное медресе:

заучивания Корана, схоластического богословия и арабской грамматики. Понять такую позицию можно: именно ислам веками служил татарскому народу, спасительным столпом идентичности и механизмом выживания.

Общество замкнулось в себе и воспринимало любые внешние перемены как чужеродные. Светские науки, книгопечатание, газеты на родном языке – всё это ревнители старины трактовали как соблазн и духовную порчу. Подобная изоляция лишала нацию перспектив развития и в конце концов ввергла её в глубокий внутренний кризис.

ВЕДУЩИЙ 1:

Джадидизм (от арабского «джадид» – новый) утверждал обратное. Его сторонники – просветители, купцы-меценаты, передовая интеллигенция – ясно понимали: татарское общество застыло во времени. Если не меняться, не осваивать светские науки, не издавать газеты и книги, не реформировать образование, то нация окажется на обочине истории и просто растворится в империи. Они требовали перехода от схоластики к преподаванию естественных наук, от арабского языка – к родному, от устной традиции – к печатной культуре.

Именно это противостояние стало нервом творчества и всей недолгой, но яркой жизни Тукая. Он стал голосом джадидизма, его главным поэтическим и публицистическим рупором. Вот что поэт пишет в ответ некоему Фатиху Шарипову, выступавшему против обновления образования в Уральске:

ГОЛОС ПОЭТА *(берет газету, зачитывает цитату как будто бы из газеты)*:

«Нет, Фатих абый! Нам недостаточно только наших медресе! Как и другим нациям, нам нужны 3-4 этажные медресе. Ещё недавно ты, Фатих абый, был беден, но ты ведь не удовлетворился своей бедностью, открыл магазин, начал торговать, всячески стараешься разбогатеть. Ты сказал, говоря о наших медресе, что того что есть, нам достаточно. Наши медресе грязнее, чем отхожие места в русских школах. Мы пойдём вперёд,

мы не будем довольствоваться тем, что есть. Ты, Фатих абый, не препятствуй прогрессу. Если бы твоя мать после твоего рождения сказала бы, что тебе хватит твоего роста, с которым ты родился, заперла бы тебя в сундук, понравилось бы тебе это?!»

ВЕДУЩИЙ 2:

И это не просто журнальная полемика. Это манифест. Тукай требовал не косметического ремонта медресе, а полной смены системы. Он понимал: пока образование остаётся схоластическим, пока языком обучения служит чужой для детей арабский, а женщины лишены доступа к знаниям – народ так и будет оставаться на положении «младшего» в империи.

И это требование он выражал не в учёных трактатах, а в стихах, заучиваемых наизусть, в фельетонах, пересказываемых друг другу, и в сатирических образах, мгновенно становившихся нарицательными. Позже, в Казани, эта борьба обретёт форму сатирических поэм, где под маской сказочных персонажей поэт высмеет ревнителей старины, пытавшихся «запереть народ в сундук».

ВЕДУЩИЙ 1:

Именно в Уральске формируется тот Тукай, которого мы знаем: поэт, журналист, сатирик и человек, не боящийся говорить правду.

Слайд 23 «Интерактив»

Интерактив:

Мини-викторина: найти на фото Габдуллу Тукая. *Зрители делают предположения.*

ВЕДУЩИЙ 1:

В июне 1906 года в Уральске был сделан знаменитый коллективный снимок Тукая с товарищами. На нём запечатлены приказчики и работники гостиницы «Казань», а также служащие ближайшего магазина.

Тукай сидит в чёрных очках. Один из его друзей, Рахматулла Хайруллин, вспоминал: перед съёмкой поэт велел всем одеться как можно более по-разному, а сам демонстративно растрепал волосы и надел тёмные очки.

По воспоминаниям современников, Габдулла обожал шутить и выделяться из толпы. Он первым в городе примерил штиблеты – европейские ботинки на шнурках с узким изящным носком, – в то время как даже самые заядлые модники из числа шакирдов всё ещё ходили в сапогах на каблуках. Вскоре местная молодёжь, переняв эту моду, тоже массово переобулась в штиблеты**.**

Слайд 24 «Пар ат»

ВЕДУЩИЙ 2:

Осенью 1907 года Тукай отправляется в Казань для прохождения медицинской комиссии к воинской службе. Военные врачи признают его негодным, и поэт принимает решение навсегда остаться в городе своей мечты.

К этому моменту Габдулла – уже полностью сформировавшийся автор со своим уникальным взглядом на литературу, имеющий за плечами солидный багаж публикаций и серьезный редакторский опыт.

Накануне отъезда из Уральска, как бы прощаясь с любимым городом, он пишет знаменитое стихотворение «Пар ат» («Пара лошадей»). В этих строках звучит искренняя благодарность Уральску – городу его отрочества, и одновременно – трепетная надежда на новую, казанскую жизнь.

ГОЛОС ПОЭТА:

Җиктереп пар ат, Казанга туп-туры киттем карап;
Чаптыра атларны кучер, суккалап та тарткалап.

Кич иде. Шатлык белән нурлар чәчеп ай ялтырый;
Искән әкрен җил белән яфрак, агачлар калтырый.

Һәр тараф тын. Уй миңа тик әллә ни җырлый, укый;
Нәрсәдәндер күз эленгән һәм тәмам баскан йокы.

Сау бул инде, хуш, бәхил бул, и минем торган җирем,
Мин болай, шулай итәм дип, төрле уй корган җирем.

Хуш, гомер иткән шәһәр! инде ераста калдыгыз;
Ah! таныш йортлар, тәмам күздән дә сез югалдыгыз.

Блок 4. «Светозарная Казань»

Слайд 25 «Светозарная Казань»

ВЕДУЩИЙ 1:
Теперь Казань становится его главной сценой.

Слайд 26 «Дело жизни»

В Казани Тукай быстро сближается с передовой, революционно настроенной интеллигенцией. Здесь выходят в свет его первые крупные поэтические сборники – «Стихотворения Габдуллы Тукая» (части I и II). Он становится ярким автором газеты «Эль-Ислах» («Реформа»), созданной Фатихом Амирханом и Вафой Бахтияровым, которая мгновенно превращается в главный рупор прогрессивной татарской молодёжи.

Расширяя границы татарской сатиры, Тукай совместно с драматургом Галиаскаром Камалом основывает журнал «Яшен» («Молния»). Именно в эти годы рождаются его шедевры: остросатирическая поэма «Сенной базар, или Новый Кисекбаш» (1908) и бессмертная баллада по мотивам народного фольклора – «Водяная» («Су анасы»). Поэт активно публикуется в журнале «Ялт-Йолт» («Зарница»), гармонично совмещая беспощадную сатиру с глубокой, пронзительной гражданской лирикой.

ВЕДУЩИЙ 2:

Говорят, слава приходит легко. Но если посмотреть на то, как работал Тукай в Казани, становится ясно: лёгкого в его жизни не было ничего.

Он поселился в сороковом номере гостиницы «Булгар» – угловой, сырой и холодной комнате площадью не более семи квадратных метров. Несмотря на то что его дверь никогда не запиралась и сюда бесконечным потоком шли люди – знакомые, читатели, случайные прохожие, – именно среди этого табачного дыма и чужих разговоров он писал. Писал, потому что не мог иначе.

За шесть казанских лет Тукай создал сотни произведений: стихи, поэмы, фельетоны, статьи, рецензии. За всю свою короткую жизнь он издал около тридцати книг. И это не считая титанического труда над переводами русской классики и создания знаменитых детских сказок, включая легендарную поэму «Шурале», ставшую классикой ещё при жизни автора. Не считая хлёстких сатирических поэм, где каждое слово было точным ударом по порокам общества.

ВЕДУЩИЙ 1:

Он работал с утра до ночи. Редакция, корректура, бесконечные споры с цензорами, поиски денег на очередной номер – и всегда новая тема, новый замысел, новый враг, которого необходимо разоблачить.

Друзья видели, как поэт истощает себя этой гонкой. Врачи уже тогда диагностировали у него запущенный туберкулёз. Но пока перо пишет – творец жив. А перо Тукая не останавливалось ни на день.

При всей своей известности он не имел ни собственного дома, ни семьи. За свои издания Габдулла получал довольно приличные гонорары, но деньги у него совершенно не держались: он легко раздавал их тем, кто просил о помощи. На его столе оставалась лишь стопка исписанной бумаги, а в воздухе звучал голос, к которому прислушивались уже тысячи. Вот она,

подлинная цена этой славы. За неё он заплатил собственной жизнью.

Теперь, когда мы знаем, как много он успел совершить, давайте спросим себя: а каким он был на самом деле? Каким этого молодого человека видели те, кто встречал его на улицах Казани, кто спорил с ним в редакциях, кто провожал его взглядом?

Ведь за тридцатью прижизненными книгами, за сотнями стихов и фельетонов скрывается живой человек. Противоречивый. Неудобный. Слишком резкий для одних и ранимый до боли – для других.

(Пауза. Ведущая переходит к рассказу о внешности и характере.)

Слайд 27 «Популярность»

ВЕДУЩИЙ 2:

В 1908 году имя Тукая знает уже каждый: его любят, читают и глубоко уважают. Поэту в это время исполнилось всего двадцать два года, и у общественности всё чаще возникал вопрос: а как же выглядит их кумир?

Чтобы исправить ситуацию, издатель Гильмутдин Шараф, печатавший книги Тукая, отвёл его в казанскую фотомастерскую Семёна Иванова. Перед съёмкой поэт заметно нервничал и пытался пригладить свои непослушные волнистые волосы. Заметив это, Шараф протянул ему тюбетейку. Тукай улыбнулся и произнёс ставшую легендарной фразу: «Шәрәф мине шәрифли» (в переводе с татарского – тонкая игра слов: «Шараф меня украшает» или «делает благородным»). *[см.: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Gabdulla_Tukay,_1908.jpg]*.

Именно этот снимок стал самым популярным и тиражируемым портретом Тукая. Ещё при жизни автора изображение появилось на обложках книг, открытках и тетрадях, а позже этот образ лёг в основу памятников и стал частью национальной визуальной культуры. Примечательно, что

в 1911 году, когда Габдулле было всего двадцать пять лет, казанское издательство «Магариф» начало массово выпускать ученические тетради с его портретом и стихами на обложке. *(Фото тетради).*

Слайд 28 «Как же он выглядел?»

ВЕДУЩИЙ 1:

Как же выглядел Тукай на самом деле? В то время все фотографии были чёрно-белыми, и до нас не дошло точных свидетельств о природном цвете его глаз или волос. Однако если по крупицам собрать информацию об облике и характере поэта из воспоминаний людей, лично встречавшихся с ним, перед нами предстает такой портрет.

Представьте себе застенчивого юношу, который мог в одно мгновение перейти от заразительного хохота к мрачному, глубокому молчанию. В компании друзей он вдруг мог словно исчезнуть – сидел в углу, уставившись в одну точку, и никто не решался нарушить его уединение. Он носил длинные волнистые волосы, хотя и стеснялся их, но зато совершенно не боялся эпатировать публику. Вместо традиционной тюбетейки великий татарский поэт мог надеть кепку; подражая Льву Толстому, нарочно выходил на улицу в лаптях и холщовой рубахе. Этим он показывал: важно быть чистым внутри, а не только наружно приличным. При этом Тукай никогда не брал в рот спиртного, азартно играл в бильярд и повязал галстук по-байроновски – широким шейным платком.

Внешне он казался невысоким и очень худым – с по-мальчишески юным лицом и тонкими руками подростка. У него были правильные, изящные черты лица (это отчётливо видно по его посмертной маске), а на левом глазу оставалось небольшое бельмо – отголосок сурового детства. Когда у маленького Габдуллы воспалились глаза, его повели к знахарке, которая пыталась лечить недуг, засыпая на роговицу сахарную пудру. Но несмотря на этот изъян, его взгляд всегда оставался полон невероятного достоинства.

ВЕДУЩИЙ 2:

Габдулла терпеть не мог фотографироваться. До нас дошло всего четырнадцать оригинальных снимков, да и те были сделаны лишь под долгим нажимом друзей. При этом поэт обладал какой-то необъяснимой притягательной силой для женщин, которые могли часами дежурить у дверей редакции, лишь бы мельком увидеть своего кумира.

В его номере в гостинице «Булгар» всегда было шумно – гости толпами входили и выходили, когда им вздумается. У Тукая практически не было личных вещей, не было своего дома. Он искренне тосковал от этой вечной суеты и в то же время жадно выслушивал городские новости из первых уст, бережно сохраняя каждую деталь для будущих стихов.

В обществе у него была репутация резкого, язвительного человека: он мог запросто разорвать отношения с близкими, высказав горькую правду прямо в лицо. По этой причине у Габдуллы была масса врагов – его невозможно было сдержать, а его суждения оставались беспощадно честными и беспристрастными. За словом в карман он не лез. Однако младшие шакирды в медресе льнули к нему, проницательно чувствуя за внешней колкостью глубокую заботу.

Больше всего на свете он не терпел жалости к себе. В этом молодом человеке удивительно уживались мудрость много повидавшего старца и чистая наивность ребёнка. Он бывал одновременно смелым и робким, добрым и резким – «клубок противоречий», как точно охарактеризовали его современники.

ВЕДУЩИЙ 1:

Перед нами встаёт образ не хрестоматийного классика, а молодого двадцатишестилетнего человека – невероятно деятельного, успевшего стать подлинным голосом целой нации. Но при этом он оставался противоречивым, ищущим себя, как и каждый из нас, – порой небрежным в одежде, но абсолютно одержимым творчеством. Он жил и творил в Казани в начале двадцатого века. Так скажите: многим ли он отличается от нас, живущих сейчас?

Слайд 29 «История дружбы»

ВЕДУЩИЙ 2:

Не ставилась цель подробно пересказать всю биографию Тукая. Однако, говоря о его казанском периоде жизни, невозможно обойти стороной историю великой дружбы двух ярчайших личностей – Габдуллы Тукая и Фатиха Амирхана, выдающегося прозаика, драматурга и общественного деятеля.

Они познакомились в 1907 году. Вскоре началось их активное творческое сотворчество в газете «Эль-Ислах» («Реформа»), которая в те годы служила центром притяжения для всей интеллектуальной элиты Казани. Позже последовали совместные проекты в сатирическом журнале «Ялт-Йолт» и ежедневной газете «Кояш».

Фатих Амирхан оказал на молодого Тукая огромное духовное влияние и стал для него источником мощной моральной поддержки. Он оставался для Габдуллы не просто близким другом – многие современники и исследователи сходились во мнении, что именно Амирхан во многом сформировал зрелые общественные взгляды поэта, выступая в роли его мудрого старшего наставника.

ВЕДУЩИЙ 1:

У них были поразительно схожие жизненные обстоятельства: сверстники, родившиеся в 1886 году, выходцы из семей мулл. Но и судьба каждого из них сложилась трагически. Фатих Амирхан в двадцать один год оказался навсегда прикован к инвалидному креслу из-за паралича ног. Тукаю же суждено было угасать от туберкулёза.

Влияние друга оказалось огромным. Габдулла, в юности выглядевший очень скромно и застенчиво, под воздействием Амирхана – известного казанского эстета и денди – сменил привычный гардероб на более респектабельные европейские костюмы. Амирхан, даже несмотря на тяжёлый недуг, никогда не оставался без внимания прекрасного пола. Проявляя чуткость, он

то и дело старался расшевелить замкнутого поэта, знакомя его с девушками и пытаясь внести яркие краски в его личную жизнь. Их дружба стала одним из главных символов эпохи расцвета татарской культуры. Память об этом союзе бережно хранится: в казанском Литературном музее Габдуллы Тукая действует отдельная мемориальная выставка, подробно рассказывающая о Фатихе Амирхане как о самом близком и верном друге великого поэта.

Блок 5. «Театр и Зайтуна Мавлюдова»

Реквизит: Карты игральные. Стол. Стул. Свет. Костюмы девушкам. Лампа. Чёрный пиджак, ветка в вазе с зелеными листьями. Газеты. Чернильница. Перо. Кепка. Лампа на ножке.

Слайд 30 «Театр»

ВЕДУЩИЙ 2:

Связь Тукая с театром была невероятно глубокой, хотя сам он никогда не являлся профессиональным артистом. Ещё в Уральске юноша увлечённо участвовал в любительских постановках, а позже, в Казани, стал идейным вдохновителем и «крёстным отцом» первой профессиональной татарской труппы. В 1906-1907 годах Казань и Оренбург сотрясают первые публичные спектакли на татарском языке.

«…Театр – и зрелище, и школа для народа,
Будить сердца людей – вот в чём его природа!..» –
так писал о сценическом искусстве Габдулла Тукай.

В 1907 году в Казань с гастролями прибывает театральный коллектив под управлением Ильяса Кудашева-Ашказарского. Настоящим открытием для публики становится игра юной актрисы Сахибжамал Гиззатуллиной (в будущем – Волжской. Год спустя труппа обретает постоянный состав и переходит под руководство близкого друга поэта – Габдуллы Кариева. Именно Тукай дарует этому союзу единомышленников имя «Сайяр» (سَيَّار), что в переводе с арабского означает «передвижник»,

«странствующая звезда». Это название безупречно отражало кочевую жизнь первых татарских артистов, колесивших с гастролями по городам и весям Российской империи. Поэт искренне восхищался их отвагой, и особенно – бесстрашием Сахибжамал Гиззатуллиной-Волжской, ставшей первой мусульманкой, которая решилась открыто выйти на сцену.

ВЕДУЩИЙ 1:

Сахибжамал Волжская (1892-1974) – первая татарская профессиональная актриса и первая мусульманка в тюркском мире, осмелившаяся выйти на театральные подмостки. Её судьба была тесно переплетена с Фатихом Амирханом. Девочка рано осталась сиротой, и Амирхан, часто бывавший в их доме, сразу заметил её страстную тягу к искусству. Он стал приглашать Сахибжамал и её сверстников на творческие вечера, на русские и татарские постановки.

Юную Гиззатуллину глубоко оскорбляло то, что в тогдашнем татарском театре женские роли исполняли переодетые мужчины. Именно Амирхан подал ей революционную идею: выйти на сцену самой. Это предложение перевернуло её жизнь: в пятнадцать лет она осознанно вошла в состав труппы «Сайяр».

Для консервативного мусульманского общества начала XX века это был шаг невероятного, ошеломляющего мужества. Религиозные фанатики проклинали девушку, слали ей угрозы и презрительно именовали «татарской Марджаной» (персонаж фольклора, попирающий устои). На гастролях в провинции её не раз закидывали камнями прямо во время выступлений.

Тукай как истинный просветитель и новатор не мог не преклониться перед этим самоотверженным порывом. Между поэтом и актрисой не было романа в привычном понимании: Габдулла был очарован ею как феноменом, как чистым символом нового, свободного татарского искусства. Он посвятил ей стихотворение «Ике кояш» («Два солнца»), уподобив её появление на сцене восходу дневного светила:

Слайд 31 «Два солнца»

Лишь вышло солнце – мир лучистый засверкал.
Так Гиззатуллина: лишь вышла – счастлив зал.
Всевышний подарил им равный блеск лучей:
Ему играть средь туч, играть на сцене – ей.

ВЕДУЩИЙ 2:

Это посвящение было не признанием в любви женщине, а было гимном актрисе, которая своим талантом и смелостью разрушала вековые предрассудки. Он видел в ней соратницу по просвещению народа. Подлинник этого стихотворения, написанный рукой Тукая, хранится в Национальном архиве Республики Татарстан как реликвия.

Но за каждым великим мужчиной стоит не только муза, но и… страх. Страх быть отвергнутым.

Интерактив:

ВЕДУЩАЯ 2 *(задаёт вопрос в зал):*

А теперь задам вам вопрос: влюблялись ли вы так, что сердце стучало у вас в висках, до ощущения, что колени подкашиваются, и все слова куда-то улетают, вы немеете?

Слайд 32 «Театральные занавески»

ВЕДУЩИЙ 1:

Тукай боготворил женщин, но предпочитал любить их на расстоянии. Посвящая прекрасным дамам возвышенные стихи, он панически боялся сделать шаг им навстречу. Свой физический изъян – бельмо на левом глазу – поэт переживал настолько остро, что считал себя некрасивым и буквально прятался от восторженных поклонниц.

Единственной девушкой, сумевшей растопить эту ледяную стену застенчивости, стала Зайтуна Мавлюдова. Ей в момент их знакомства было всего четырнадцать, ему – двадцать два. Вся история их хрупкого общения уместилась в несколько коротких, робких встреч.

Сценическое действие

Слайд 33 «Весенняя листва» (заставка всей сценки)

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ *(тихо, глядя на карты, которые держит в руках):*

Мы играли в дурака. Вафа абый, Фатих и я. Простой карточный дурак. Кто бы знал, что в тот день судьба сдаст мне совсем другую колоду.

(Пауза. Ведущая откладывает карты, смотрит в пространство перед собой, слегка улыбается уголками губ – горько и нежно.)

Была весна 1908 года. Казань. Редакция газеты «Эль-Ислах». Я сидел напротив дверей. Пиджак надет – как всегда, не потому что холодно, а потому что так надо. Порядок. Кепку снял – свои же.

(Голос становится тише, проникновеннее)

И тут – шаги.

Не те шаги, что обычно: деловые, торопливые, мужские. А другие. Легкие. Сбивчивые. И запах из окна... весна, оттепель, и что-то ещё, сладкое, тревожное...

(Пауза. Тукай поднимает голову, как будто смотрит на вошедших – и замирает. Взгляд останавливается. Это момент «увидел».)

Дверь отворилась. И вошли они. ОНА.

Явление девушек. Здесь либо выходят две актрисы, либо звучит их голос. Они не смотрят на Тукая – они смотрят на Фатиха Амирхана, с которым знакомы. Но краем глаза – на Тукая.

ФАТИМА *(живо, с придыханием, но тихо, чтобы не нарушать приличия):*

Фатих абый сказал – сегодня он будет здесь. Смотри вон тот, наверное, Вафа Бахтияров, их издатель.

ЗАЙТУНА (*обращаясь к залу):* Здравствуйте. Простите, что без предупреждения. Мы проходили мимо, и вы сами в прошлый раз говорили – заходить можно в любое время...

ФАТИМА: а вон тот, видишь за столом, это, наверное, он, Тукай. Тот, который без головного убора.

ЗАЙТУНА *(шепотом, но в голосе – восторг и робость):* И Аллам, какой молодой... А я думала, поэты – все старики с бородами...

ФАТИМА: Тсс! Они слышат!

ЗАЙТУНА *(перебивает, но тут же спохватывается – неловко)*: Здравствуйте, а вы Габдулла Тукай, да?

Девушки замерли в ожидании ответа.

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ *(в сторону, залу – это внутренний монолог, ее губы почти не движутся, но голос звучит):*

Я поднял голову. Поздоровался. Кивнул. И – опустил глаза. *(Пауза.)*

Она стояла в проёме двери. Солнце – откуда только взялось солнце в этой прокуренной типографии? – било ей в спину. И она вся светилась. Как ангел, как райский плод, о котором читал в старых книгах.

(Голос становится горьким)

Красивые волосы. Тонкие руки. Взгляд... Собханалла, какой взгляд! Живой, прямой, ненасытный. Она смотрела на меня так, будто я – не я. Будто я – уже написанные стихи, будто я – книга, которую можно открыть и читать.

А я... Что она увидела бы, если бы посмотрела внимательнее?

(Тукай проводит рукой по лицу, касается глаза.)

Это. Бельмо. Проклятое пятно на глазу, которое делает меня уродливым. Эти руки – тонкие, слабые, как у девчонки, а не как у

мужчины. Эту одежду, мятая, вся с пушинками от подушки, которую постеснялся бы надеть последний подмастерье.

Что я мог ей дать дочери муллы? Что?

(Резко):

Я сделал вид, что играю. Что карты – важнее. Что мне некогда. Что я занят, очень занят, великий поэт, понимаешь ли, отдыхает...

(Голос срывается почти в шепот):

Дурак. Я играл в дурака. И проиграл – в ту же секунду, как поднял на неё глаза.

Попытка разговора

ЗАЙТУНА *(робко, но настойчиво – делает шаг вперёд, к столу):*

Габдулла эфенди... Мы с Фатимой... то есть я... мы преданно читаем ваши стихи. В каждом номере ждём. Особенно... особенно «Пара лошадей»... Это так... так красиво и так... проникновенно.

(Пауза. Тукай – молчит. Перебирает карты. Не поднимает головы.)

ЗАЙТУНА *(теряясь, но пытаясь не показать обиду):*

Вы не могли бы... может быть, прочтёте что-нибудь? Хотя пару строк? Мы... я так мечтала услышать ваш голос.

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ *(внутренний монолог, голос залу – мучительно, закрывает рот руками):*

Голос. Она хочет услышать мой голос. А я боюсь, что если открою рот, он дрогнет. Что она услышит не поэта, а мальчишку, который никогда не знал материнской ласки и не умеет говорить с женщинами. Что она увидит – поймёт – как я жалок, как смешон в своей гордости.

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ *(после паузы, залу, как воспоминание):*

Я ответил сухо, не поднимая глаз. Сказал, что стихи для бумаги, для тех, кто умеет читать. А мы заняты игрой. Я сказал это и сразу пожалел.

ФАТИМА *(тихо, Зайтуне):* Пойдем, Зайтуна. Он не хочет. Неудобно как-то...

ЗАЙТУНА *(тоже тихо, но с обидой и достоинством):* Да... вижу. Извините. Мы пойдём.

Уход и послесловие

(Шаги удаляются. Свет на миг гаснет, потом загорается снова – один.)

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ *(долго молчит. Потом медленно поднимает голову и смотрит туда, где стояла Зайтуна. Голос – ком в горле):*

Ушли. Даже не попрощались как следует. Я так и не взглянул на неё больше. Не посмел.

(Пауза. Берет карту со стола, вертит в пальцах.)

Фатих мне потом сказал: «Ты что, с ума сошел? Такая девушка пришла – к тебе пришла, понимаешь? Из-за тебя! Она же не Вафу пришла смотреть!»

А я ничего не ответил. Что я мог ответить?

(Смотрит на карту, потом отбрасывает её.)

Дурак. Дурак. Дурак.

(Встаёт, подходит к краю сцены, говорит совсем тихо, почти беззвучно.)

Зайтуна, прости меня. Я не умею иначе. Я не умею быть красивым. Я умею только писать. И если судьба даст мне ещё хоть раз увидеть тебя... я напишу. Я все скажу в стихах. Потому что в лицо – не могу. Не могу...

Когда в толпе внезапно узнаю
Мою любовь, красавицу мою –

Язык немеет. Где найти слова?
Ведь перед ней как вкопанный стою.
Как новолунье брови. Как луна
Лицо сияет. Как она стройна!
Хвала Творцу! – шепчу: Субхан Аллах!
О Боже, как пленительна она!!

Слайд 34 «Судьба Зайтуны»

ВЕДУЩИЙ 1 *(задумчиво, вполголоса):*

Их следующая встреча оказалась совершенно случайной: Тукай ехал в трамвае и вдруг увидел в окно Зайтуну, стоявшую на остановке. Она смотрела прямо на него и тепло улыбалась. Но самое долгое, настоящее свидание случилось у них чуть позже, после литературного вечера. Они бесконечно гуляли по притихшему городу и говорили, говорили... О чём мог беседовать признанный поэт с юной девушкой? О звёздах, о стихах, о вечности?

Этой прогулке суждено было стать их последним свиданием. Вскоре семья Зайтуны должна была возвращаться в Уральск, и она робко пригласила Габдуллу проводить её на пристань. В день отплытия девушка долго вглядывалась с борта парохода в пеструю прибрежную толпу, отчаянно ища его глазами. Он пришёл. Конечно же, он пришёл, но из-за своей болезненной гордости и страха так и не показался ей на глаза, оставшись незамеченным на берегу.

ВЕДУЩИЙ 2:

Спустя годы после смерти Тукая Зайтуна вышла замуж за Кадыра Расулева – сына выдающегося просветителя, религиозного деятеля и знаменитого шейха города Троицка Зайнуллы Расулева. Их сын, Атилла Расих, стал известным татарским писателем и в 1981 году был удостоен Государственной премии имени Габдуллы Тукая. Вот так личная история мимолётной весенней встречи переросла в неотъемлемую часть большой национальной культуры.

Воспоминания о тех памятных пяти встречах Зайтуна Мавлюдова подробно записала в свой дневник, который долгое время хранился в семейных архивах. Спустя много лет эти бесценные свидетельства обнаружила её внучка, поэтесса Фарида Расулева, и бережно передала рукописи в музей.

Блок 6. «Последние дни поэта. Клячкинская больница»

Слайд 35 «Последние дни поэта. Клячкинская больница»

(На сцене – полумрак. На столе горит свеча. Голос поэта стоит у стола, касается пера. Ведущая – рядом или на втором плане)

ВЕДУЩИЙ 1:

Свои последние казанские годы Тукай провёл в номерах гостиниц: сначала в знаменитом сороковом номере «Булгара» – сыром, холодном, на углу Московской и Евангелистовской, а затем в номерах «Амур». В его комнатах никогда не было ничего, кроме самого необходимого: железной кровати, простого стола и гор исписанных книг.

Он прекрасно знал, что смертельно болен. Запущенный туберкулёз, лишивший его в детстве зрения на один глаз, давно перешёл на лёгкие. Близкий друг Фатих Амирхан с горечью вспоминал: «Не только мы, но и он сам понимал, что каждой части его жизни сопутствует кашель. Но он не любил об этом говорить».

(Пауза)

Поэт до последнего отказывался от госпитализации и не доверял докторам. Состоятельные друзья и меценаты не раз предлагали оплатить ему дорогостоящее лечение за границей, но Габдулла неизменно отвечал отказом – возможно, сам уже не верил в выздоровление. Но когда изнурённое тело перестало слушаться, а каждый вдох и шаг превратились в подвиг, он сдался.

Двадцать шестого февраля (одиннадцатого марта по новому стилю) 1913 года Тукай переступил порог частной терапевтической клиники доктора Клячкина. Профессор Григорий Клячкин пошёл на огромный риск и сознательно нарушил строгий медицинский устав, категорически запрещавший принимать пациентов с открытой, заразной формой чахотки. Доктор лично осмотрел поэта, тайно запер его паспорт в своём сейфе и скрыл факт госпитализации от губернских властей и полиции. Клячкин предоставил Тукаю отдельную светлую палату, лечил и кормил его совершенно бесплатно, подарив великому сыну татарского народа последний, бесценный месяц его творческой жизни.

ВЕДУЩИЙ 2:

Когда Тукая взвесили при поступлении, медицинские весы показали страшную цифру – всего тридцать восемь килограммов. Тяжёлое воспаление лёгких, острая сердечная недостаточность, туберкулёз в терминальной стадии. Доктор Клячкин сразу шепнул близким друзьям поэта горькую правду: «Осталось не больше месяца».

(Долгая пауза)

Но этот последний месяц стал небывалым по своей творческой плодотворности – настоящей «болдинской осенью» Тукая. Превозмогая страшную боль, он писал новые стихи, правил старые тексты и лихорадочно готовил к печати итоговый сборник. В его палату бесконечным потоком шли друзья, писатели и простые почитатели, а свежие рукописи стопками лежали на прикроватной тумбочке.

Десятого апреля 1913 года Габдулла написал свои три последних стихотворения: «Слова Толстого», «На досуге» и «Школа». На следующий день, одиннадцатого апреля, предчувствуя скорый уход, друзья пригласили в палату известного казанского фотографа Иосифа Якобсона, который сделал пронзительный, последний прижизненный снимок угасающего поэта.

Тринадцатого апреля доктор Клячкин попытался утешить мечущегося в лихорадке Габдуллу словами о возможном улучшении здоровья, но выйдя в коридор к дежурившим друзьям, тихо произнёс: «Остались считаные дни».

Слайд 36 «Последние фото»

Тукай разрешил снять себя. Это были последние его фотографии.

На вопрос о самочувствии он ответил одно слово: «Смерть». Оставались последние сутки жизни поэта.

(Сцена замирает. Звучит протяжная нота – татарский курай или струнный инструмент. На экране появляется портрет Тукая, сделанный в больнице.)

Слайд 37 «Завещание»

ВЕДУЩИЙ 1:

Это строки из стихотворения «Васыятем» – «Моё завещание». Он написал их задолго до смерти, но они стали его прощанием.

ГОЛОС ПОЭТА:

Кайт, и нәфсе мотмәиннәм! Бар, юнәл, кит Тәңреңә;
Бирдең аркаңны моңарчы, инде бир бит әмренә.
Дустларым, кардәшләрем, сез муллаларга әйтеңез:
Бу ике юлны, мине күмгәч, укырлар кабремә.

Әһле тәкфир бер гажәпләнсен, күреп актык сүзем:
Күр, нә рәсмә тулган иман берлә Коръән садремә!
(«Васыятем», 1909)

Примечание:
Нәфсе мотмәиннәм – тынычлык тапкан күңелем

Әһле тәкфир – кяфер, динсез дип әйтүчеләр
Нә рәсмә – ничек
Садремә – күкрәгемә (күңелемә)

ВЕДУЩИЙ 1:
«Обретя успокоенье, возвратись, душа, к Творцу,
Обращенная спиною, обрати лицо к Нему.

Все друзья, родные! Муллам поручаю вам сказать,
Чтобы строки эти праху прочитали моему.

Пусть неверные дивятся, увидав мои слова:
С верой пламенной Корану поклоняюсь одному.»

Слайд 38 «Похороны»

ВЕДУЩИЙ 2:
Пятнадцатого апреля 1913 года Габдулла Тукай ушёл из жизни... Тело поэта обмыли, облачили в белоснежный саван и положили на погребальные носилки – табут. Впереди траурной колонны шакирды и студенты бережно несли огромные венки и ленты с цитатами из его бессмертного «Завещания». В те часы Казань погрузилась в событие, подобного которому татарская история ещё не знала.

ВЕДУЩИЙ 1:
Его несли на руках. Больше десяти тысяч человек вышли на улицы города. Вся Казань замерла. Неужели он действительно был так нужен каждому из них?..

Траурная процессия растянулась более чем на километр. Многотысячный людской поток вышел из ворот Клячкинской лечебницы, скорбно и молчаливо прошёл по Проломной улице (ныне – улица Баумана) и направился к Юнусовской площади. Именно там, прямо под открытым небом, при огромном стечении народа был совершен обряд заупокойной молитвы – джаназа-намаз.

Слайд 39 «Фотографии процессии»

И тогда случилось невозможное.

Впервые в истории татарской культуры похороны превратились в стихийную манифестацию. Закрылись книжные лавки и издательства, были отменены спектакли в театрах. Во всех городских и сельских медресе губернии остановили занятия. Замерли даже трамваи на Московской улице – многотысячная толпа полностью перекрыла движение**.**

(на слайде видео с фотографиями)

Редакции татарских газет захлестнули телеграммы соболезнований из Уфы, Оренбурга, Петербурга, Москвы, Турции, Египта.

ВЕДУЩИЙ 2:

Это был первый в истории публичный траур татарской нации. До 1913 года проводы усопших у мусульман оставались делом исключительно семейным, быстрым и не терпящим огласки. Похороны Тукая перевернули эти представления навсегда.

Впервые в траурной процессии появились венки и ленты, которые шакирды бережно несли перед гробом. Фотографы впервые открыто запечатлели сам процесс прощания, а поэты декламировали стихи прямо у свежевырытой могилы. Татарские газеты экстренно выпустили специальные памятные номера, полностью посвящённые биографии, портретам и последним произведениям ушедшего классика.

Тукай был похоронен на Ново-Татарском кладбище Казани. Позже рядом с ним обретут покой его верный друг Фатих Амирхан, писатель Шариф Камал и общественный деятель Хусаин Ямашев. Это место навсегда закрепило за собой статус главного пантеона национальной культуры.

Сразу после кончины Габдуллы столичная газета «День» опубликовала солидный разбор его творчества, где впервые

назвала его «татарским Пушкиным». А уже в 1914 году в Лондоне авторитетный журнал The Russian Review познакомил с его судьбой европейских читателей, опубликовав английский перевод стихотворения «Пара лошадей». Сравнение с Пушкиным закрепилось за Тукаем навсегда.

Слайд 40 «Современность, молодость и Тукай»

ВЕДУЩИЙ 1:

Да, Тукай ушёл рано. И ушёл на самом пике – молодым, дерзким, мятежным. Может быть, в этом и заключается главный урок, который он нам оставил: никогда не откладывать жизнь на потом.

Мы сегодня много говорили о его страданиях, о сиротстве, о непоколебимой вере в собственные корни и о великом творчестве, жившем вопреки всему. Но посмотрите, как поэт поступил со своими несчастьями. Он не окаменел сердцем. Не озлобился на весь мир. Он превратил былую боль в пронзительную песню, личную тоску – в бессмертные стихи, а всю колоссальную внутреннюю энергию воплотил в бесконечную любовь к родному народу.

И сейчас, когда я смотрю на вас, я отчётливо понимаю: он писал именно для нас. Для тех, кто готов менять этот мир к лучшему. *(Пауза, улыбается.)*

Слайд 41 «Яшьлек/Молодость»

Интерактив:

ВЕДУЩИЙ 1:

Давайте дадим определение молодости!

(Пауза. Можно дать залу ответить, можно продолжить самим)

Что же такое молодость? Это свобода? Дерзость? Поиск себя? Желание изменить мир? Право на ошибку? Быть не как все?

ВЕДУЩИЙ 2:

Вот что примечательно: если мы откроем письма Тукая и воспоминания его современников, то найдём там точно такие же слова.

Тукай был точно таким же, как и каждый из нас. Он точно так же искал своё призвание, ошибался, любил и преодолевал бесконечные трудности. Он жил в крошечной комнате, двери которой всегда оставались открытыми для друзей, и не имел за душой ничего, кроме пера и бумаги. Но при этом Габдулла успел совершить так много, что сделанного им с лихвой хватило бы на десяток обычных жизней.

Вслушайтесь в эти строки:

Слайд 42 «Татарская молодежь»

ГОЛОС ПОЭТА:

О татарской молодёжи есть сегодня что сказать:
Хочет жить активно, ярко, хочет знать и понимать.

К просвещению стремится, в ногу с временем идёт.
Я, обрадованный этим, вижу, зная наперёд:
Вот кто нам добудет знанье, словно жемчуг, из глубин.
Тучи чёрные разгонит, и с заоблачных вершин
Молодых надежд с дождями к нам прольётся благодать,
Эти воды будут горы и подножья заливать.

Новой жизни ликованье громом грянет на весь свет;
Заблестят кинжалы, сабли битв священных и побед.

В перстне нации смятенной, что без камня и карат,
Будем **мы** – её бесценный, настоящий бриллиант.
(«Татарская молодежь», 1912)

ВЕДУЩИЙ 1:

А в заключение хочется сказать: будьте дерзкими. Будьте голодными до жизни. Пишите, если хочется писать. Говорите и

пойте, если есть что сказать миру. Любите, даже если страшно. И помните: настоящая молодость – это не цифра в паспорте. Это способность искренне удивляться миру, смелость не соглашаться с тем, что ранит или не нравится, и вечный, непрекращающийся поиск себя. *(Смотрит на зал, тепло.)*

ГОЛОС ПОЭТА:

И ещё – берегите родной язык. Тот самый, который звучит в сердце, даже когда вы молчите. Потому что, пока язык жив – жив и народ. А пока жив татарский народ – жив и Тукай.

Тукай говорил: «Не умру я, друзья, потому что после меня останутся стихи, останется народ, который меня слышит».

Мы – этот народ, те самые, кто слышит его сегодня. И пока вы здесь, пока вы спорите, танцуете, читаете, пишете, дерзаете – Тукай жив. Он стал нашим современником.

Список использованных источников

1. Амирхан, Ф. Избранные произведения: в 3 т. / Фатих Амирхан; пер. с татар. – Казань: Татарское книжное издательство, 1986. (Материалы о казанском периоде и газете «Эль-Ислах»).
2. Арсланов, М. Г. Татарское режиссерское искусство (1906–1941) / М. Г. Арсланов. – Казань: Фикер, 2002. – 336 с. (Разделы о зарождении труппы «Сайяр»).
3. Баһаутдинов, Ф. Габдулла Тукай һәм татар театры / Ф. Баһаутдинов // Сәхнә: театр һәм эстрада. – Казан, 2026. – № 9. – Б. 42–45.
4. Благова, Г. Ф. Сахибжамал Гиззатуллина–Волжская: Жизнь и судьба первой татарской актрисы / Г. Ф. Благова. – Казань: Магариф, 2004. – 182 с.
5. В реликвиях – душа Тукая. Каталог мемориальной коллекции татарского народного поэта Габдуллы Тукая в собрании Национального музея Республики Татарстан / Г. Р. Назипова [и др.]; под общ. ред. Г. Р. Назиповой, С. Ю. Измайловой. – Казань: Заман: Татарское книжное издательство, 2012. – 144 с.
6. Габдулла Тукай в воспоминаниях современников / [сост. Р. Р. Гайнанов]. – Казань: Татарское книжное издательство, 1986. – 360 с.
7. Габдулла Тукай: Альбом / [төз. Р. Даутов]. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1978. – 176 б.
8. Габдулла Тукай: Иллюстрированный сборник / [ред. коллегия]. – Казань: Татарское книжное издательство, 1968. – 244 с.
9. Габдулла Тукай: Энциклопедия / гл. ред. Р. З. Шакиров. – Казань: Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2016. – 864 с.
10. Габдулла Тукайның тормыш һәм иҗат хроникасы өчен материаллар (1886–1907) = Материалы к хронике жизни и творчества Габдуллы Тукая (1886-1907) / ред. коллегия: З. З. Рәмиев [һ. б.]; Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе, Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать ин–ты. – Казан, 2018. – 444 б.

11. Галиуллин, К. Р. Габдулла Тукай. Шигърият теле: сүзлек: 2 китапта / К. Р. Галиуллин, Р. Н. Кәримуллина. – Казан: Мәгариф, 2009. – 1 кит. – 502 б.

12. Илялова, И. И. Театр имени Камала: Очерк истории (1906–1986) / И. И. Илялова. – Казань: Татарское книжное издательство, 1986. – 328 с. (Материалы о деятельности Г. Кариева и И. Кудашева-Ашказарского).

13. Мухамедшин, Р. М. Татарское просветительство и джадидизм в конце XIX – начале XX вв. // История татар с древнейших времен: в 7 т. – Т. 6: Формирование татарской нации. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – С. 521–538.

14. Нуруллин, И. З. Габдулла Тукай / Ибраһим Нуруллин. – Казан: Татарское китап нәшрияты, 1979. – 302 б.

15. Тукай, Г. Собрание сочинений: в 6 т. / Габдулла Тукай; [сост. и отв. ред. Г. Ибрагимов]. – Казань: Татарское книжное издательство, 2011–2018. – Т. 5: Автобиографическая проза, статьи и воспоминания. – 2018. – 464 с.

16. Тукай дөньясы (Мир Тукая): интернет-портал, посвященный жизни и творчеству великого татарского поэта Габдуллы Тукая. – URL: http://gabdullatukay.ru (дата обращения: 10.10.2026).